

Евсеев В. Н., Зайцев Г. С.

КАЗАКИ В СИБИРСКОЙ ЛЕГЕНДЕ «СВЯТОЙ НИКОЛАЙ И КАСЬЯН НЕМИЛОСТИВЫЙ»

В сибирском фольклоре, становление которого протекало на огромной территории за «Камнем» (за Уральскими горами), одна из главных тем – освоение Сибири, особенно в казачьем сибирском фольклоре. В статье обращается внимание на духовно-нравственный потенциал народной словесности – на примере казачьей легенды «Святой Николай и Касьян Немилостивый». Самосознание россиян издревле строилось на любви к своему Отечеству, на уважении к традициям общественным и семейным, а они транслируются из поколения в поколение в фольклоре, в котором находят выражение национальные ценности. Существенную роль в воспитании россиянина выполняет и фольклор казачества – субэтноса, целью которого (так определилось исторически) было служение Отечеству, охрана границ, поддержание порядка на закрепленных за казаками территориях. В их судьбе немало славных страниц служения отчине, одна из страниц – сибирская.

История присоединения Сибири к Российскому государству начинается с деяний казаков, отправной точкой и центром событий становится Зауралье. Краткую справку найдем в статье А. П. Яркова: «За Уралом казаки появились после того, как купцы Строгановы наняли казачью вольницу во главе с атаманом Ермаком для борьбы с набегами сибиряков. Перейдя через Уральские горы, казаки избрали наступательную тактику и 26 октября 1582 г. заняли г. Искер. <...> История сибирского казачества начинается с конца лета 1585 г., когда посланный на помощь Ермаку отряд «государевых служилых людей» остался на зимовку в устье реки Иртыш и поставил там «городок», названный впоследствии Обским. В 1586 г. в Сибирь вновь пришли оставшиеся в живых «ермаковы казаки» и вместе с отрядом Василия Сукина и Ивана Мясного «срубили острог» – Тюмень – на месте прежней Чимги-Туры. Ядро казачества составляли «государевы служилые люди» и переведенные из тяглого населения крестьяне и посадские. В 1587 г. при участии казаков был основан Тобольск, который с 1590 г. стал главным городом Сибири» [4, с. 140]. С основания Обского городка собственно и начинается история службы казаков в крае: «В Сибири сложилась особая группа казаков – казаки служилые, которые подразделялись в зависимости от происхождения, условий службы, материального обеспечения на беломестных (привилегированная часть казачества, которая проживала в приграничных укреплениях и получала крупные земельные наделы, денежную помощь; в 1724 г. были включены в сословие государственных крестьян) и выписных (привлекавшихся на службу из местных крестьян для сторожевой службы; в середине XVIII в. их перевели в сословие государственных крестьян)» [4, с. 139]. После «Ермаковского взятия» Сибири продолжилось движение казаков на восток, в результате огромные территории были присоединены к Российскому государству: «Просуществовавший 70 лет возле Полярного круга торгово-казачий городок Мангазея стал отправной точкой продвижения казаков на восток от реки Енисей. В течение XVII в. экспедиции тобольских, березовских, мангазейских казаков под командованием Черкаса Рукина, Андрея Рукина, Самсона Навацкого, Воина Шахова, Ивана Реброва основали Енисейский, Красноярский, Якутский, Илимский остроги, открыли «Юкагирскую землю» и дошли до Тихого океана» [4, с. 140]. Именно о деятельности казаков в Сибири и повествуется в казачьей легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый». Легенду собиратель фольклора Б. А. Алмазов записал в Сибирском казачьем войске, текст опубликован в сборнике «Казачьи сказки». Легенда рассказывает о том, как святые Николай и Касьян отправились в светлых ризах на восток к Христу: «Приказал Христос Св. Николаю и Св. Касьяну прийти к Нему в Царствие Небесное. Вот надели они самые лучшие ризы и пошли по облакам на вос-»

ток, встречу солнцу» [2, с. 155]. Шествуя по облакам, святые увидели внизу, на земле, завязший казачий обоз, направляющийся также на восток. Св. Николай помогает казакам, Касьян же отказывается, за что и получает от Господа прозвание Немилостивый. Текст легенды Алмазов считает сказкой. И хотя в дальнейшем он зачислил произведение в разряд «православных сказок», констатируем, что в жанровом отношении это скорее казачья (народная) христианская легенда апокрифического типа.

Произведение явно не сказочного, а религиозного содержания, т. к. содержание охватывается христианскими идеями милосердия, альтруистической помощи ближнему. В произведении нет сказочного хронотопа, то есть пространственно-временной сказочной организации сюжета и образной картины (сказочное двоемирие, когда герои отправляются в иной мир, «за тридевять земель»), сказочных чудес и помощников. Да, Св. Николай спускается с облаков, но он, помогая казакам вытащить телеги и пушки из болотной грязи, действует по-земному, как и сами казаки; говоря языком текста, важна его «пара рук»: «Казаки из сил выбились, каждая пара рук на счету», «Схватился Святой Николай за доску, что была к лафету привязана, хорошая доска дубовая. Хотел под колесо положить» [2, с. 156]. Религиозная картина мира исключает двоемирие, для православного человека мир видимый и невидимый не разделены, это цельный и единый мир (континуум) под эгидой высших сил.

Чудесное в легенде и сказке подается с точки зрения жанровой картины мира. В христиански-легендарном народном сюжете чудесное воспринимается как возможное в действительности – для верующего человека. Сказка же, особенно волшебная (именно в ней чудесное становится сюжетообразующим началом), никогда не скрывала, что в ней воспроизводится вымышленный (условный) мир – мир воображения и мечты, противопоставленной действительности. В фольклорной легенде чудесное воспринимается как достоверность, это определяет структуру, систему образов, поэтику произведения. В мире религиозно-дидактических легенд человеческие отношения и судьба отдельного человека испытываются высшими силами, результат испытания мотивирует христианское наказание или вознаграждение (в тексте рассматриваемой легенды мы находим ключевую формулу, связанную с христианской оценкой поступков: «По вере вам Господь и воздаст») В казачьей легенде схема перевернута: за немилосердие наказывается святой Касьян: он не оказал помощи труженикам-казакам в их богоугодном деле. Конфликт в легенде носит не сказочный, а морально-христианский характер, так как развитие сюжета построено на оппозиции милосердие – немилосердие (нравственное – безнравственное).

Духовно-нравственные начала формируются в душе человека с детской поры, однако их формирование происходит только тогда, когда в обществе, социальной группе, в семье и государстве существует нечто священное. Именно об этом и идет речь в легенде о святых и казаках. Казачья душа, как и вообще русская, иррациональна. Ей присущи и свободолюбие, и, как сказали бы в пору Древней Руси, «чинность», то есть почитание традиции: источники патриотизма, духовно-нравственных ценностей лежат в глубинных (генных) пластах народной памяти, в традициях и обычаях, в вере и фольклоре. Ценности патриотизма, нравственности, духовности вплетены в содержательную канву легенды. Жанровая картина мира оказывается самобытной – казачьей. Хронотоп (напомним: пространственно-временной образ мира) легенды – хронотоп казачьего служилого бытия. Он разворачивается в произведении и с точки зрения сакрального бытия (в нем доминируют высшие, священные ценности), и с точки зрения земного бытия, ибо мы в легенде «Святой Николай и Касьян Немилосердный» найдем ответ и на вопрос, как же сами казаки воспринимают свою роль в истории государства.

Легенда соответствует отмеченным нами базовым ценностям, она отражает этапы продвижения казаков в Сибирь, на Восток. На Восток идут не только Св. Николай и Касьян (к Христу в «Царствие Небесное»), но и обоз с людьми – казаками и их семьями. По православному учению на востоке, где всходит солнце, находится Христос. Царство Небесное (Царство Божие), рай в сознании верующих ориентированы на восточную сторону. Они (как духовная сущность) находятся на небе и в восточном направлении по отношению к земле; в Писании, в церковных сочинениях Христос именуется «Солнцем Правды», «Востоком», где-то на востоке возник библейский рай: «И насадил Бог рай в Едеме на Востоке» [Быт. 2, 8]. Иисус вознесся на восток, с востока ожидается второе Его пришествие, поэтому православные молятся на восток, на восток лицом хоронят своих родных, на восток расположены алтари православных храмов. На Восток же, как представлено в легенде, устремился и российский народ, присоединяя и включая в свои владения новые дальневосточные земли. Следовательно, огромное сибирское пространство сакрализуется – освящается присутствием православного Бога. Оно также на-

полняется человеческими действиями и деяниями святых, наполняется повседневным и тяжким трудом казаков: сибирская территория перестает быть просто «территорией», а переводится в сюжете легенды в сферу духовной культуры. Мы не услышим в легенде ни грома пушек, ни ружейной пальбы, потому что вопрос стоит так: а какие духовно-нравственные ценности принесут с собой казаки на новые земли? Или это будут только пушки, которые они везут с собою? Сюжет выстроен таким образом, что базовые ценности как бы «испытываются», проверяются в пути на Восток. Что несет в своей душе казак – веру, трудолюбие, взаимопомощь, или он лишь «человек с ружьем», который не только охраняет, но и может принести с собой насилие? Сюжет построен на оппозициях (противопоставлениях), но не произвольных, а соответствующих народным и православным традициям, народному календарю.

Св. Николай, увидев утонувший в болоте казачий обоз, предлагает Касьяну спуститься и помочь людям (Касьян неохотно соглашается). Мы узнаем, что казаки идут из разных мест – с Днепра, Дона, Терека, Волги и Яика: «Следует по царскому указу на берег Тихого океана станицы ставить, границы державы охранять» [2, с. 155]. Очевидно, что создается собирательный образ будущего сибирского казачества. Святой Николай готов помогать казакам (и просит также о помощи и Касьяна): «- Чем же помочь вам? Да помоги отец! Помоги Христа ради!» [2, с. 156]. Ответ Касьяна «немилостив»: «- Да мы же ризы праздничные выпачкаем! – Да Бог с ними, с ризами, давай христианам поможем. – Нет! – говорит Касьян. – Кто их сюда послал, пусть тот и помогает!» [2, с. 156]. Святитель Николай прославился тем, что безмерно любил людей и помогал им. Нравственная составляющая легенды – оказывать помощь ближнему своему, не чваниться одеждой и происхождением.

Напротив, Св. Касьян отказывается помочь казакам, ссылаясь на праздничные одежды. Ответ Касьяна (ссылка на одежду) символизирует его социальный статус, а не духовный, поэтому атаман восклицает «Эх, барин!» [2, с. 156]. Казаки, следовательно, воспринимают Касьяна не как равного себе, а как барина, не способного и не желающего оказывать помощь попавшим в беду. Именно с этого эпизода и разворачивается оппозиция милосердный – немилосердный. Укажем, что у Николая Чудотворца было еще одно прозвание в православно-народной традиции – Милосердный, Милостивый: считалось, что он обладал «высшим даром любви милующей и сострадательным сердцем». Подтверждение традиции именования обнаруживается и в местном фольклоре, например, в записи на территории Тобольской губернии П. А. Городцовым легенды «Христос-молотыга»; она записана в 1907 году в деревне Артамонова Тюменского округа (ныне территория Ярковского района) от Д.Н. Плеханова. Легенда о наказании жадного богача за греховность (не подает нищим) начинается так: «Однажды истинный Христос и Никола Милостивый приняли образ странников и пошли путем-дорогою...» [3, т. 2, с. 347].

В смысловом отношении значимым является и другой эпизод легенды: «Схватился Святой Николай за доску, что была к лафету привязана, хорошая доска дубовая. Хотел под колесо положить. Казаки как закричат: «Отец, не трожь доску, она святая» [2, с. 156]. Казаки везут не только домашний скраб, пушки, но и разобранный храм, чтобы поставить его на новом месте в крепости: «Эта церковь дедами нашими намолена! Она нам мать и заступница» [2, с. 157], и данный поступок казаков высоко оценивается святым: «Мало я на Святой Руси видел такой веры. По вере вам Господь и воздаст» [2, с. 156]. Действительно, на Камчатке появилась деревянная церковь, ее казаки привезли с Дона в XVII веке. Мы видим огромную веру казаков, духовную связь со своими предками, молившимися в родной церкви. Сама церковь – материальное воплощение святости, уважения к своему прошлому и традициям.

В заключительной части повествуется, как казаки с помощью Св. Касьяна двинулись к месту назначения. Св. Николай и Касьян же предстали пред Христом. Состоялся потрясающий с точки зрения исторического и морального смысла разговор между ними:

- Где же ты, Николай, так изволился?
 - Так и так, – Святитель отвечает. – Казакам-переселенцам помогал!
 - А ты что же, Касьян? – Христос Касьяна спрашивает.
 - Стану я одежды свои праздничные в грязи марать! Мы ведь к Тебе шли, Господи!
 - Шли-то вы точно ко мне! – говорит Христос. – Да пути выбрали разные, хотя дорога у вас была одна. Как ты мог, Касьян, казакам-воинам не помочь – они ведь тебя о помощи моим именем просили. Глянул Господь с небес, а казачий обоз уже к океану вышел, на пустынном берегу топоры стучат – дедовскую церковь поднимают. Благословил их Господь и сказал:

- Да будет вам, чада мои верные, место новой Родины. А тебе, Николай, будет в году четыре праздника: весенний, зимний, осенний и летний! И звать тебя будут Божьи Угодником. А тебе, Касьян, один праздник в четыре года 29 февраля, и прозвание тебе будет Немилостивый. Так по слову Божию и сталося. А казаки окаян-море переплыли на лодьях, и на том берегу на Аляске поставили крепость и церкву свою отеческую и назвали ее крепостью Св. Николая» [2, с. 157-158].

Выбор Св. Николая «действующим лицом» фабулы казачьей легенды мотивирован. В православном календаре празднование святителю Николаю Архиепископу Мир Ликийскому, Чудотворцу осуществляли несколько раз в году (22 мая, 19 декабря). На некоторых территориях числились местные святые Николаи, поэтому могли отмечать праздник святого Николая и четыре раза в году; на чем, собственно, проводится в легенде противопоставление Св. Николая и Касьяна. В сознании казаков, русского народа Св. Николай являлся Божьим угодником. Он также считается небесным покровителем сибирских казаков. Войсковой праздник Сибирского казачества справляется 19 декабря, а в народном календаре тот день зовется Днем Св. Николая-зимнего. Поэтому сюжет легенды о казаках-сибирцах и увязан с именем Св. Николая, и важно подчеркнуть, что черты, присущие ему, присущи и самим казакам.

Смысл разговора определяется мыслью о нравственном выборе жизненных дорог («пути выбрали разные, хотя дорога у вас была одна»), в контексте разговора оценивается и путь казаков в Сибирь. Они изображаются не бездушными наемниками, а тружениками-воинами, исполняющими службу естественно – по долгу и вере: для них важен смысл совершаемых ими действий, поэтому они перевозят и сакральный центр своей родины (церковь) на новое место. Казак вверял свой «живот» (жизнь) царю, атаману и Богу. От казака «власть требовала постоянной воинской готовности и боевой выучки, беззаветной смелости, верности присяге» [4, с. 139]. Исполнение воинских обязанностей (а это и война, участие в сражениях, значит, кровопролитие) не освобождало казака от заботы о своей душе, от дум о нравственном и безнравственном. Ему следовало быть «крепким в вере», различать добро и зло в окружающем мире. Именно такими казаки (хранимые Богом) предстают в легенде – они православные труженики-воины на службе Отечеству. Казацкая служба – тяжелый труд с переездами, исполнение воинских повинностей, усердие во имя общего дела. Всё это выражено в легенде точной метафорой – застрявший на пути к цели в земной грязи казачий обоз, стремление казаков прибыть вовремя на новое место службы. Разговор на небесах Христа со святыми, оценка их поступков с точки зрения высшей силы – это проекция христианских ценностей (добродетелей) за земное бытие казаков. Естественному милосердию (радению о других) святого Николая противопоставляется эгоизм Касьяна. Формируется еще одна смысловая оппозиция, она основана на предельном христианском внимании (верующего человека) к внутреннему миру, к духовному содержанию личности. С одной стороны, можно вымазаться (как казаки и Св. Николай) в земной грязи, но быть чистыми душой. С другой стороны, можно, как Касьян, заботиться о внешней чистоте (своих одежд), но утратить при этом чистоту духовную, нравственную.

«Святой Николай и Касьян Немилостивый» – народная легенда апокрифического типа. В книжной традиции на заре христианства получили широкое хождение апокрифические сочинения, нашедшие затем отклик в фольклорных произведениях. Содержание апокрифов существенно отступало от принятого в официальном вероучении христианского (церковного) канона, поэтому они отвергались церковью (понятно, что книжные апокрифы распространялись тайно). Святой не может быть немилосердным по официальному вероучению, церковь не могла канонизировать греховного человека в ранге святого. Образ Касьяна в рассматриваемой легенде не имеет никакого отношения к святому Кассиану, день памяти которого приходится на 29 февраля. В истории Христианской Церкви Кассиан – основатель монашества в Галлии и один из главных теоретиков монашеской жизни (родился около 360 г.). В народных же представлениях, вопреки реальной биографии, житиям о святом Кассиане, создан отрицательный образ святого. Да, святой, но «немилостивый», он рисовался в народной устной традиции, фигурировал в поверьях с отрицательными чертами: немилостивый, немилосердный, скупой, остудный, корыстник, завистливый, кривой и т.п. Суть в том, что день 29 февраля занимает особое место в народном крестьянском календаре. Этот день появляется раз в четыре года. Надо помнить, что и в русском средневековье (до XV века) Новый год открывался мартом, то есть он открывался через каждые три года после Касьянова дня. И это был год високосный! Високосный год всегда считался в крестьянских суевериях годом опасным. В народных поверьях 29 февраля вообще не стоит, хотя бы до обеда, выходить из дома,

не стоит начинать каких-либо дел. День памяти святого Касьяна отмечается один раз в четыре года. По народному же объяснению выходило, что Бог лишил Касьяна ежегодных именин за недоброжелательность (немилосердие) к бедным людям. Поэтому день его памяти (да еще на стыке зимы и весны) числился одним из самых плохих и опасных («зловредных») дней народного календаря, что, в свою очередь, распространялось на весь год. Отсюда и происходит щедрость нелестных характеристик в адрес Касьяна – не реального святого, а созданного мифологического образа.

Является ли «Святой Николай и Касьян Немилостивый» легендой, вариантом народного сюжета? Фольклорный сюжет подтверждается наличием вариантов (однократное исполнение традиционного сюжета с небольшими отклонениями, порождаемыми устной культурой рассказчика, этногеографическими традициями и т.д.). Наличие вариантов означает, что традиционный сюжет (основной мотив, который объединяет смысл и форму подачи материала, его называют также «инвариантом») принят (создан) народом, так как он широко распространился в устной передаче от поколения к поколению. Казаки в прошлом – воины и крестьяне. В казачество они верстались из крестьянской среды, за службу получали земельные наделы. Они оседали на определенных территориях, заново «окрестьянивались» и по царским указам (смотри об этом выше), и по выслуге лет, вращались семьями, сложившимся бытом на новой земле, которая становилась их родиной. Казак, следовательно, такой же активный носитель общерусского и этнического фольклора, как и любой другой россиянин.

По Руси издавна ходил легендарный (несказочный) сюжет о Касьяне и Николае Угоднике. Для нас авторитетными будут мнение российского фольклориста, этнографа XIX века С. В. Максимова (кстати, обследовавшего не только ряд центральных российских губерний, но и Русский Север, Приамурье и Дальний Восток), сведения из его книги «Нечистая, неведомая и крестная сила». В его книге о народных верованиях есть раздел о Касьяне немилостивом. Обратив внимание на народную легенду об отступничестве Касьяна от Бога, Максимов указал, что «не это отступничество от Бога послужило источником охлаждения православных темных людей к Касьяну, а главным образом его «немилостивое» отношение к бедному народу», в подтверждение приводит легенду, записанную в Зарайском уезде Рязанской губернии [см. 1, с. 287-288]. Мы уже знакомы с сутью (смыслом) легенды по тексту из сборника Алмазова. Сюжет зарайской легенды о том, что святые, направляясь в рай, шли по дороге и встретили мужика, тащившего воз из грязи и обратившегося к ним за помощью. Касьян ответил отказом, думая о своей ризе, а Николай Угодник, засучив рукава, вытаскивает без лишних слов воз из грязи. Понятно, что один явился в рай в чистой, а другой в грязной ризе. Бог, по прибытии святых в рай уточнивший, почему у них такие ризы, лишил Касьяна ежегодных именин за неотзывчивость к бедным людям: «... быть Касьяну именинником раз в четыре года, а Николаю-угоднику, за его доброту, два раза в год» [1, с. 288]. Какие новые элементы привнесены в легенду «Святой Николай и Касьян Немилостивый» с традиционным крестьянским сюжетом; необходимо сравнение на предмет выявления их сходства и различия – такова суть подхода к фольклору, он опирается на сопоставление вариантов. Вместо мужика-труженика с увязшим возом – казаки с обозом на необозримом пространстве Сибири; «прибавочные» элементы – казаки с семьями, пушки, разобранный церковный иконник, их векторное движение – вплоть до Аляски; на Аляске была поставлена российская крепость Святого Николая. Подчеркнем, что фольклор не детализирует, он сразу – минуя индивидуализацию, конкретику – порождает образы с широким обобщением. Мы видим громадное пространство России, собирательный образ будущего сибирского казачества: казаки идут из разных мест их концентрации на территории европейской России. В сжатом фольклорном образе охвачено громадное пространство расселения казаков – «часовых империи». В XVIII в., после открытий казаков-первопроходцев Владимира Атласова, Семёна Дежнёва (службу начинал рядовым казаком в Тобольске), капитана-командора Витуса Беринга, казаки переплыли пролив, соединяющий Азию и Америку. Началась история Русской Америки, и она не сводима лишь к пушкам, саблям, пушнине. Русские принесли с собой и веру. В 1794 г. на Аляске появляется Российская духовная миссия. В православную веру за два года были обращены 12 тыс. алеутов. Россия ушла из Северной Америки, но до сих пор на Аляске существует около 80 алеутских и индейских православных общин.

В сибирской легенде традиционный крестьянский сюжет не изменился, но приобрел казачью интерпретацию. Сюжет «вписан» в историю сибирского казачества. Традиционная схема (путь святых на суд к Богу через испытание их добродетелей по дороге к Нему) наслаивается на путь казачества в Сибирь, вследствие чего описание труженического подвига казаков наполняется высшим

(сакральным) смыслом: они идут на Восток вместе со святым Николаем (не Касьяном!), выполняя свои задачи, идут по направлению к Богу. Легенда позволяет посмотреть на казаков глазами... самих казаков, то есть через призму их фольклора. Чем больше точек зрения на явление, тем полней его картина, в том числе и история службы казаков в Сибири... История же их службы может рассматриваться не только в физическом, но и в духовном измерении, как это и имеет место в легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый».

1. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила / послесл. Н.В. Ушакова. – СПб., 1994.
2. Святой Николай и Касьян Немилостивый [текст] // Алмазов Б. Казачьи сказки. – СПб., 1996. – С. 155–158.
3. Христос-малотяга [текст] // Городцов П.А. Были и небылицы Тавдинского края: В 3-х тт. / под ред. В.Я. Темплинга; сост. Ю.Л. Мандрика. – Тюмень, 2000. – С. 347–351.
4. Ярков А.П. Казаки // Тюменская область: народы, языки, культура: Энциклопедический справочник / гл. ред. И.С. Карабулатова. – Тюмень, 2007. – С. 138–141.